

ЗАМЕТКИ О СЕМАНТИКЕ "ПЕРЕПУТАННЫХ ЦИТАТ" В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Г. ПОНОМАРЕВА

У многих исследователей сложилось негативное мнение о мастерстве Д. Мережковского-романиста. Так, Л. Силард называет такие его приемы, как "фрагменты из писем", "дневники", "дневники в дневниках" исчерпанными уже в XIX веке¹. Техника цитирования у писателя также оценивалась невысоко. Так, В. Б. Шкловский сравнивает использование цитат у Л. Н. Толстого и Д. С. Мережковского. У Толстого "обычно "историческая фраза" появляется в таком контексте, то есть окружена такими словами и положениями, что воспринимается заново. Посмотрите, например, разговор Наполеона с посланцем Александра. Толстой заново создает "историческую фразу", вводит ее в композицию. Мережковский склеивает фразу и стихи, как лоскутное одеяло. Я не упрекаю Мережковского за то, что он пишет или клеит хуже Толстого, но просто указываю на то, что литературная техника, которая за последние десятилетия существования русской литературы необыкновенно развилась, у него выродилась в совершенно детские приемы"².

В послесловии З. Г. Минц к роману "Антихрист" отмечалось, что на профессиональных историков исторические романы Мережковского производили впечатление недостоверного источника с перепутанными цитатами³. Так, С. Мельгунов, подвергший роман "Александр Первый" резкой критике, указывал: "У Мережковского чуть ли не все говорят чужими словами: Рылеев словами С. И. Муравьева или Трубецкого (лишь вскользь упоминаемого в романе), Пестель словами Барятинского или Поджо, Каховский Якубовича, даже генерал П. Д. Киселев с императрицей Елизаветой Алексеевной беседует подлинными словами Каховского"⁴.

По-видимому, современников шокировала и чрезмерная модернизация чужого слова в прозе Мережковского. В "Дневнике" К. Чуковского приводится его разговор с писателем в апреле 1919 г. "Я подсел к нему и спросил: почему у вас Голицын цитирует Бальмонта: "Мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить?" — "Разве это Бальмонт?" — "Ну да"⁵. Чуковский немного ошибся: Бальмонта в романе "14 декабря" цитирует не Голицын, а Каховский, но цитирует таки⁶.

Фактически Мережковскому как историческому писателю доверяли только экскурсоводы. Так, в изданной Петроградским экскурсионным институтом книге А. В. Карлсона "Летний сад при Петре I" (1923) мы находим ссылки на описание обеда во дворце Летнего сада в романе "Петр и Алексей", а также на художественное описание фейерверка, составленное Мережковским на основании мемуаров и описаний петровских времен⁷.

Есть и другая точка зрения на поэтику Мережковского, высказанная З. Г. Минц в послесловии к роману "Воскресшие боги". Исследовательница видит в нем писателя-новатора, который "настойчиво пытается создать новую поэтику — поэтику романа символизированных идей"⁸. С этой поэтикой З. Г. Минц связывает и немотивированность "чужого слова" (т.е. психологическую, культурную, ситуационную и т.д. неоправданность данной мысли и данного стиля речи) в устах того или иного персонажа⁹.

Авторитетные историки и критики, уличавшие Мережковского в многократных искажениях исторических фактов, не задумывались над тем, что это значило для самого Мережковского. Приведем пример из современной литературы. Сейчас много споров вызывает творчество Абрама Терца (А. Д. Синявского), приемы цитирования которого близки к Мережковскому. А. Синявский в одном из интервью говорит о смысле стилистического снижения в своем творчестве, которое эмигрантская публика воспринимает буквально. "Там масса игры. Цитирую: "Как сказал еще Ломоносов — поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан, — а вот Пушкин нарушил эту традицию". Господи! Мы со школы все знаем в России, что это сказал не Ломоносов, а Некрасов. Но это же сделано нарочно. Такая перестановка"¹⁰. Мережковский, разумеется, тоже делал подмену авторов сознательно, а не по недостатку эрудиции и тоже играл. В "Петре и Алек-

сее" Настенька читает в Летнем саду "цидулку" 19-летнего кузена-гардемарина. "Купидон, вор проклятый, пробил стрелой сердце. Тоска великая — сердце кровавое рудой запеклося"¹¹. Эта цитата из стихотворения В. Монса¹². В четвертой книге романа "Наводнение" Виллим Иванович Монс говорит Настеньке замысловатым языком комплименты из немецкой книжки, а она не понимает ни слова. Перед этим вспоминается праздник в Летнем саду, когда Настенька плакала над нежною "цидулкою" влюбленного в нее гардемарина¹³. Таким образом, Настенька прекрасно понимает стихи Монса в нежной записке русского гардемарина, но не понимает переведенных им же немецких комплиментов. Стихи Монса превращаются в русский любовный текст, а переведенные им, но не понятые слушательницей, комплименты, остаются вне этого текста, в сфере немецкой галантности.

Об исторических романах Мережковского часто пишут, что они скучноваты из-за перегруженности абстрактными идеями. Между тем в прозе Мережковского можно найти не только утомительные вечные оппозиции, но и много иронии. Обнаружить ее удается не сразу, а лишь обратившись к историческим источникам. Это и "окно в Европу", прорубленное в Москве¹⁴. В итоге становится понятной связь с фразой предыдущего абзаца "Азия заслоняла Европу". В романе "Петр и Алексей", в главе "Петербургская Венера", в Летнем саду выступает архимандрит Феодосий Яновский и прославляет царя-плотника, создавшего новую Россию и новый город Санкт-Петербург. "Что была Россия прежде и что ныне? Посмотрим ли на здания? На место хижин грубых явились палаты светлые, на место хвороста сухого — вертограды цветущие. Посмотрим ли на градские крепости? Имеем такие вещи, каковых и фигур на хартиях прежде не выдывали. . ."¹⁵. Потом Федоска долго говорит о книгах судейских, свободных учениях, искусстве, о флоте, а в конце речи возвращается к теме Петербурга: "А ты, новый, новоцарствующий град Петров, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Там, где и помысла никому не было о жительстве человеческом, вскоре устроилося место, достойное престола царского. *Urbs ubi silva fuit*. Град, идеже был лес. И кто расположение града сего не похвалит? Не только всю Россию-красотою превосходит место, но и в иных европейских странах подобное обрестись не может! На веселом месте создан есть! Воистину, ваше

величество, сочинил ты из России самую метаморфозис или претворение!"¹⁶. Любой историк литературы уловит в речи Федоски что-то знакомое. Это знакомое — цитаты из проповеди Феофана Прокоповича "Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича великого князя Петра Петровича"¹⁷. Это он, а не Феодосий Яновский, называвший, по словам царевича Алексея, город "чертовым болотом и чертовой сторонешкой", прославлял Петербург как памятник гению Петра. Слова Феофана, вложенные в уста оборотня Федоски, приобретают оттенок ироничности, насмешливости. Сближаются два петровских церковных деятеля, враждовавших при жизни, но вместе разрушавших старую церковь.

Р. В. Иванов-Разумник упрекал Мережковского в безликости его героев. "Начинаешь пугаться в этом лабиринте действующих лиц, как среди шпалер одинаково подстриженных деревьев. Попробуйте различить, например, в "Петре" — Феофана и Федоску!"¹⁸ Обезличенность Феофана и Федоски — обдуманый прием романиста. Федоска, говорящий словами Феофана, становится его двойником. Чужое слово роднит образы Яновского и Прокоповича.

Меня интересуют причины мотивации свободного распределения чужого слова у Мережковского. Известный финский славист В. Кипарский в статье "О языке петровской эпохи в романе "Петр и Алексей" Д. С. Мережковского" объясняет использование писателем цитат из "Дневника" Бориса Куракина в устной речи Петра Андреевича Толстого стилистическими причинами: "Мережковскому требовался типичный язык петровской эпохи, уснащенный хорошо известными нам варваризмами и неологизмами, который со стилистической целью охотно цитировался русскими авторами исторических романов от Пушкина до Алексея Н. Толстого. Язык П. А. Толстого, родившегося в 1645 году, не соответствовал этому требованию"¹⁹.

Есть ли еще другие причины, кроме стилистических? Чтобы узнать это, видимо, лучше начать с того приема, который Шкловский назвал "склеиванием стихов и прозы". В романе "Петр и Алексей" можно найти несколько подобных примеров. Например, соединение отрывка из мемуаров Берхгольца с пушкинской реминисценцией, причем знаменитую фразу произносит иностранец-

дипломат. "Ваше Величество, — сказал австрийский резидент Плейер, большой любезник, — вы прорубили окно в Европу"²⁰. Это как бы европейская точка зрения на внешнюю политику Петра. Остановимся еще на одном примере склеивания стихов и прозы в "Дневнике фрейлины Арнгейм", представляющем собой фрагменты из мемуаров иностранцев. Описание похорон Марфы Матвеевны Мережковский взял из "Записок" Вебера. У мемуариста тщательно фиксируются подробности похорон — похоронная процессия, ее путь, время, необычность ритуала (запрещение Петром I на этих похоронах плакать и кричать): "Хоронили ее в вечерние сумерки с большим великолепием. От ее печального дома до церкви было расстояние с небольшую четверть мили, и весь этот путь по льду уставлен был двойным рядом факелов, между которыми и совершалась процессия. Богатую корону, всю усеянную драгоценными камнями, нес тайный советник Толстой, а гроб и провожатых <...> везли в санях. Тело, по совершении над ним последнего погребального обряда, погребено в новой царской усыпальнице в крепостной церкви <...> На этих похоронах впереди тела шло все Русское духовенство: архиереи, архимандриты, митрополиты, священники, певчие и все другие церковнослужители, в великолепных церковных облачениях, со множеством свечей, кадил и с непрерыванным пением, что все придавало процессии внушающий благоговение вид <...> на упомянутых похоронах строго приказано было, чтобы никто громко не плакал и не причитывал"²¹.

У Мережковского эти же похороны описываются фрейлиной Арнгейм, но по-другому, чем у Вебера. "Ее хоронили в вечерние сумерки с большим великолепием. Погребальное шествие совершалось между двумя рядами факелов, расставленных по всему пути от дома усопшей — она жила рядом с нами, у церкви Всех Скорбящих — к Петропавловскому собору, через Неву, по льду. Этот же самый путь, по которому, два месяца с лишним назад, везли на траурном фрегате тело ее высочества. Тогда хоронили первую чужеземную царевну, теперь последнюю русскую царицу. Впереди шло духовенство в пышных ризах, со свечами и кадилами, с похоронным пением. Гроб везли на санях. За ним тайный советник Толстой нес корону, всю усеянную драгоценными камнями. Царь впервые на этих похоронах отменил древний русский обычай надгробных воплей и причитаний: строго приказано было,

чтобы никто не смел громко плакать. Все шло молча. Ночь была тихая. Слышался лишь треск горячей смолы, скрип шагов по снегу, да похоронное пение. Это безмолвное шествие навевало тихий ужас. Казалось, мы скользим по льду вслед за умершею, сами, как мертвые, в черную вечную тьму. Казалось также, что в последней русской царице Россия новая хоронит старую, Петербург — Москву²². Последняя фраза — явная отсылка к "Медному всаднику" А. С. Пушкина: "И перед младшею столицей // Померкла старая Москва // Как перед новою царицей // Порфиноносная вдова". Но у Мережковского сменены акценты: если у Пушкина Москва отходит на второй план, у писателя Петербург хоронит Москву. Похороны "порфиноносной вдовы" (Марфы Матвеевны) и "новой царицы" (принцессы Шарлотты) предвещают смерть старому городу, причем молодая царевна умирает раньше старой вдовы. Пушкинская реминисценция превращает бытоописательный текст Вебера (похорон старой сумасшедшей царицы) в текст символический, по-новому решающий старую оппозицию "Москва—Петербург".

Остановимся еще на одном приеме Мережковского, который Шкловский назвал "приемом сводки плохо выбранного материала". В том же "Дневнике фрейлины Арнгейм" приводится рассказ барона Левенвольда (реальное историческое лицо) об основании Петербурга. Идут подряд три цитаты, взятые из анонимных мемуаров "Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах". Но у Мережковского цитаты не просто механически сведены воедино, а, во-первых, подвергнуты редакторской правке. Например, фраза мемуариста — "С умирающими из бедных классов здесь не много, впрочем, церемонятся"²³ — трансформирована в обобщающую: "Здесь ни с живыми, ни с мертвыми не церемонятся"²⁴. В первый абзац мемуаров иностранца Мережковским вклинено описание быта рабочих — строителей Петропавловской крепости, явно отсылающее к "Железной дороге" Некрасова: "При этой Сизифовой работе две трети несчастных погибло, в особенности, вследствие безбожного воровства и мошенничества тех, кому поручено было содержать их. По целым месяцам не видали они хлеба, которого, впрочем, иногда и за деньги трудно достать в этом пустынном краю; питались капустой да репой, страдали поносом, цынгою, пухли от голода, мерзли в землянках, подобных звериным норам, умирали, как мухи"²⁵.

Сравните у Некрасова: "Жили в землянках, боролись с голодом, // Мерзли и мокли, болели цынгой. // Грабли нас грамотей-десятники, // Секло начальство, давила нужда. . ." Мемуарист вспоминает бытовой эпизод петербургской жизни: "Комаров в этих местах <...> несчетное число и мне не раз случалось, переезжая через Неву, зачерпывать полную шляпу их трупов, пльвших из Ладожского озера"²⁶. У Мережковского это будничное, неоднократно повторявшееся действие дано как единичный случай. "Однажды, проезжая в лодке по Неве, в жаркий летний день, заметили мы на голубой воде серые пятна: то были кучи комариных трупов — в здешних местах их великое множество. Они плыли из Ладожского озера. Один из наших гребцов зачерпнул их полную шляпу"²⁷. У автора "Петра и Алексея" смерть мифологизируется. Нева превращается в Лету, поглотившую строителей "Парадиза". "Слушая рассказы Левенвольда о строении Петербурга, я закрыла глаза, и мне представилось, что трупы людей, серых-серых, маленьких, бесчисленных, как эти кучи комариных трупов, плывут по Неве без конца — и никто их не знает, не помнит"²⁸.

Мережковский, таким образом, не просто сводит вместе три чужие цитаты, а трансформирует бытоописательный текст в петербургскую легенду. По словам В. Н. Топорова, "одна из неперемных функций П<етербургского> текста — поминальный синодик по погибшим в Петрополе, ставшим для них подлинным Некрополем"²⁹.

Сокращение цитаты, отнесение ее к другому лицу — характерные черты исторических романов Мережковского. Но наибольший интерес представляет цитата-ребус, относящаяся к другому лицу, имеющая другого автора и к тому же приведенная не полностью. В романе "Александр Первый" дается такая характеристика П. Пестеля: "Наполеон и Робеспьер вместе. Погодите-ка ужю, доберется до власти — покажет нам Кузькину мать! — заключил Батеньков"³⁰. Это, конечно, отсылка к пушкинской мысли: "Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон." Об этой пушкинской фразе Мережковский писал в исследовании "А. Толстой и Достоевский": "Еще Пушкин заметил сходство Петра с Робеспьером. И в самом деле, так называемые "Петровские преобразования" — настоящий переворот, революция, бунт сверху, "белый террор". Петр — тиран и бунтовщик вместе, бунтовщик относительно про-

шлого, тиран относительно будущего, Наполеон и Робеспьер вместе"³¹. В романе герои неоднократно цитируют пушкинскую характеристику Пестеля: "Умный человек во всем смысле этого слова." Зачем же относить еще пушкинскую характеристику Петра к Пестелю? Ответ дает поздняя статья самого Мережковского "1925—1825", посвященная 100-летию восстания декабристов. Он пишет о декабристах: "Между Пушкиным и Петром — вот где их место. Недаром именно здесь, на Петровской площади, у подножья Медного Всадника, начинают они восстание как будто против него.

Добро, Строитель чудотворный!

Ужо тебя...

Как будто уничтожают его, а на самом деле продолжают. Лик Наполеона — на современной Европе, лик Петра — на России. Но самодержавие после Петра только и делает, что стирает этот лик, заколачивает "окно в Европу", чтобы оттепельный ветер оттуда не растопил русского "вечного полюса". Они, дети Петровы, снова прорубают это окно"³². Сокращение цитаты легко объяснимо, поскольку писатель относит историческую фразу к другому лицу. Отнесение же пушкинской характеристики Петра к Пестелю дает Мережковскому возможность сблизить характер действия царя-реформатора и декабристов. Но остается третий вопрос: почему эту фразу в романе произносит Батенков, а не кто-то другой? Ответ на этот вопрос дает Мельгунов: "У Мережковского Батенков превращен в какого-то проповедника весьма туманных а la Мережковский идей"³³.

Разумеется, эти заметки не претендуют на полный охват темы. Я могу на основании разобранных примеров отметить лишь те функции, которые выполняют "перепутанные цитаты" (выражение С. Мельгунова) в романах Мережковского: они являются средством символизации, иронии, и шире — игры. Цитата-ребус требует внимания не только раздраженного историка или критика, но и эзотерического читателя, способного по достоинству оценить подтекст романа, интеллектуальную игру Мережковского. Игра обнаруживается не сразу, а на поверхности — слабые технические приемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX—начала XX в. (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. — Л., 1984. — С. 268.
- 2 Шкловский В. Гамбургский счет. — М., 1990. — С. 112.
- 3 См.: Минц З. Г. Комментарии // Д. Мережковский. Христос и Антихрист. Трилогия. Т. 4. Антихрист (Петр и Алексей). — М., 1990. — С. 598—599.
- 4 Мельгунов С. Роман Мережковского "Александр I" // Голос минувшего. 1914. — № 112. — С. 55.
- 5 Чуковский К. Дневник. 1901—1929. — М., 1991. — С. 108.
- 6 См.: Мережковский Д. 14 декабря // Мережковский Д. Собр. соч. в 4-х т. — Т. 4. — М., 1990. — С. 73.
- 7 См.: Карлсон А. В. Летний сад при Петре I. — Прг., 1923. — С. 43, 60.
- 8 Минц З. Г. Воскресшие боги // Мережковский Д. Христос и Антихрист. Трилогия. Т. 2. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Ч. I. — М., 1990. — С. 373.
- 9 Там же. — С. 373.
- 10 Глэд Дж. Беседы в изгнании. — М., 1991. — С. 186.
- 11 Мережковский Д. С. Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д. С. Собр. соч. в 4-х т. — Т. 2. — М., 1990. — С. 349.
- 12 См.: Семевский М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692—1724. СПб., 1884. — С. 98.
- 13 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 463.
- 14 См.: Пономарева Г. "В Европу прорубить окно..." // Русская речь. 1991. — № 4. — С. 18—19.
- 15 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 344.
- 16 Там же. — С. 345.
- 17 См.: Прокопович Ф. Сочинения. — М.—Л., 1961. — С. 44—45.
- 18 Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика. Т. II. — СПб., б.г. — С. 137.

- 19 Кипарский В. О языке петровской эпохи в романе "Петр и Алексей" Д. С. Мережковского // Scando-Slavica. 1975. — Т. 21. — С. 68—69.
- 20 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 428.
- 21 Вебер. Записки о Петре Великом и его царствовании // Русский архив. 1872. — Стб. 1342—1343.
- 22 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 457.
- 23 Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах. — СПб., 1860. — С. 58.
- 24 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 398.
- 25 Там же. — С. 397.
- 26 Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах... — С. 52.
- 27 Мережковский. Антихрист (Петр и Алексей)... — С. 398.
- 28 Там же. — С. 398.
- 29 Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 664. Тр. по знаков. системам. XVIII. — Тарту, 1984. — С. 21.
- 30 Мережковский Д. С. Александр Первый // Мережковский. Собр. соч. в 4 т. — М., 1990. — Т. 3. — С. 220.
- 31 Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. в 15 т. — СПб., М., 1912. — Т. VIII. — С. 113.
- 32 Мережковский Д. 1925—1825 // Современные записки. 1925. — Т. XXVI. — С. 221—222.
- 33 Мельгунов. Роман Мережковского "Александр I"... — С. 62.